

Концептуальные основания государственной культурной политики, ориентированной на гражданское общество

Государственная культурная политика как фактор становления гражданского общества пока еще не стала объектом систематических исследований, а сама управленческая практика в этой сфере осуществляется преимущественно как процесс текущей административной и финансовой деятельности учреждений и объектов культуры. Этот профессиональный стереотип связан в первую очередь с пониманием культуры как продукта избранных творцов без учета социально-культурных интересов, запросов и гражданской активности различных групп населения. Не принимается во внимание также тот факт, что сами культурные ценности становятся общезначимыми, когда они являются результатом взаимодействия профессионалов и остальных членов общества. И, наконец, сама культура – это составляющая образа и качества жизни людей, а ее уровень – показатель и проявление развитости гражданского общества.

В данном случае основное внимание уделяется решению проблем культуры как отрасли, т. е. деятельности учреждений и организаций культуры, решающих общегосударственные социально значимые задачи. Именно в этом контексте и рассматривается современная отечественная государственная культурная политика.

Для активизации государственной культурной политики по формированию гражданского общества в России сложились некоторые объективные предпосылки, к которым можно отнести следующие:

- переход учреждений культуры на новые условия хозяйствования, стимулировавший предпринимательскую активность работников культуры, осваивание рынка культурных услуг с учетом реального платежеспособного спроса населения;
- наметившаяся тенденция реструктуризации и разгосударствления отрасли в направлении развития коммерческого сектора культурных услуг и передачи части государственной собственности в руки частнопредпринимательских структур (к сожалению, не всегда с позитивными последствиями);
- распространение программно-целевых методов управления в сфере культуры, позволивших начать осваивать новый опыт финансирования социально значимой деятельности учреждений культуры;

- внедрение многоканальной системы финансирования сферы культуры и расширение состава субъектов культурной политики за счет расширения межведомственной кооперации, а также активизации коммерческого сектора для поддержки и развития учреждений культуры;
- повышение уровня политической культуры государственных органов, особенно на региональном уровне.

В то же время указанные тенденции не могут в полной мере компенсировать негативные факторы в сфере культуры, в первую очередь те, что связаны с недостаточной ориентированностью государственной культурной политики на главный ее ресурс – гражданскую активность населения.

К негативным факторам могут быть отнесены следующие:

- существенные ограничения в дальнейшем росте объема культурных услуг, связанные с низким платежеспособным спросом населения и хроническим недофинансированием отрасли;
- износ материально-технической базы учреждений и объектов культуры отрасли, существенную часть которой составляют высокзатратные материальные ресурсы с низкой фондоотдачей (музейные, библиотечные, архивные фонды, клубная сеть, исторические памятники и сооружения и т. д.);
- усиление коммерциализации деятельности многих государственных учреждений культуры в ущерб выполнению ими своих социально значимых функций;
- отсутствие эффективного общественного и государственного влияния на систему культурного обслуживания населения, а также соответствующих механизмов контроля за деятельностью учреждений культуры;
- неразработанность общей экономической стратегии управления, использующей гражданский потенциал отрасли;
- недостаточная инвестиционная и инновационная активность в отрасли, во многом связанная с отсутствием влияния гражданских структур на повышение социальной и гражданской значимости учреждений культуры в современном обществе.

Все указанные тенденции, так или иначе, свидетельствуют о недооценке «гражданского фактора» культурной политики, соответствующего формированию долгосрочного социального заказа на развитие отечественной сферы культуры, ее отдельных подотраслей, заказа, который мог бы обеспечить активизацию всего спектра

ресурсов поддержки отрасли культуры не только государственных, но и общественных, коммерческих.

Особая проблема – отсутствие долгосрочных стратегий государственной политики, ориентированной на повышение социальной эффективности всей инфраструктуры отрасли культуры, ее реального влияния на общественную жизнь. Это отражается в уязвимости предлагаемых общих направлений развития отрасли культуры на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

В большинстве экспертных разработок по совершенствованию государственной культурной политики отсутствует даже сама ориентация на ее сближение с решением социально значимых проблем в обществе. Деятельность учреждений культуры рассматривается или с сугубо рыночных, или внутриотраслевых позиций. Причем, достаточно часто приоритет отдается массовой, «рыночной» культурной продукции. В этой ситуации неизбежна культурная колонизация со стороны промышленно развитых стран без продуманных противовесов этому процессу. Занижаются возможности собственных гражданских ресурсов культурной политики [1].

Реализация программы разгосударствления учреждений культуры или перевод многих из них в муниципальный статус привели на практике к их массовому перепрофилированию и неоправданной коммерциализации. Причем этот процесс осуществляется без учета интересов и запросов самого населения [2].

В рамках культурной политики наметилась и другая крайность – реализация только внутриотраслевых интересов. В стороне остаются аспекты деятельности учреждений культуры, связанные с культурой повседневного образа жизни, интерпретацией современных культурных процессов. Резко разделяются позиции субъектов и объектов культурной политики, что закрывает возможность более полного вовлечения в культурные процессы различных слоев общества. Сторонниками такой позиции справедливо отмечается особая роль государства в формировании культурного самосознания людей. Однако не ясны основные социальные механизмы такого формирования, использующие весь спектр соответствующих возможностей общества [2, 3].

Для оценки возможностей государственной культурной политики в формировании гражданского общества особый интерес могут представлять утверждения экспертов о необходимости новых «социальных измерений» культуры. Отмечается, что особая роль в переосмыслении роли учреждений культуры в современном обществе и определении соответствующих приоритетов культурной политики должна принадлежать культуре

повседневности. Однако такой вполне справедливый подход пока не конкретизирован применительно к задаче формирования гражданского общества.

Вместе с тем в осмыслении стратегий культурной политики уже есть определенные достижения, прежде всего разработки социальной и гражданской ориентации, которые пока мало востребованы управленческой практикой [4–25]. Результаты недооценки такого рода разработок фиксируются исследователями. Так, например, указывается, что «наиболее важным в современных реформах является несоответствие в процессе крупных преобразований модернизационного и национально-государственного начал. Если эта проблема тем или иным образом не будет разрешена, то шансы на успех модернизации в стране окажутся ничтожными. Названная оппозиция носит в России сквозной, пронизывающий основные социальные страты характер. Не столкновение модернизированных и консервативных слоев представляет главную угрозу преобразованиям, а антагонизм модернизационных и национально-государственных начал» [26, с. 83]. И далее: «сведение модернизационной и национально-государственной «осей» развития потребует тщательного анализа традиционных элементов общества, вплетения их в современный процесс так, как это делалось, например, во Франции, Италии, Германии» [там же]. Предлагается также «закрепить и существовавшую ранее традицию социального участия различных российских корпоративистских объединений, в том числе предпринимательских, в программах развития регионов и поселений. Эти объединения или союзы строятся либо по отраслевому, либо по регионально-отраслевому принципам. Хотя сегодня корпоративизм этих объединений весьма размыт, отрицать их влияние на экономическую и социальную политику правительства не следует» [там же, с. 84]. Саму же региональную политику, отмечает исследователь, следует формировать снизу, тем более, если ставить цель синтезировать национальное с модернизационным. Тогда повышенную актуальность приобретают исследования методов сохранения исторических поселений, сел и городов, ландшафтов, дифференциации районов по культурно-хозяйственным укладам, поддержки сельской среды, которая во всех развитых странах ведется не столько по экономическим соображениям, сколько ради сохранения этносов, нации, государства. «Следует признать, что субъект социальной и культурной политики до сих пор сколько-нибудь удовлетворительно даже не описан <...> А средства бюджета следует направлять не только на поддержку уже акционированных предприятий, но и на государственные нужды и, прежде всего, на организацию социальной и культурной политики, способной освободить значительную часть бюджета от груза хозяйственных расходов» [26].

Важно подчеркнуть, что действенная государственная культурная политика должна максимально способствовать развитию гражданской активности населения, создающей реальные предпосылки для освоения сложной и динамичной социокультурной жизненной среды в переходном обществе. Такой акцент и приоритет в управлении культурными процессами определяет актуальность изучения гражданского потенциала государственной культурной политики.

Важным концептуальным основанием формирования государственной культурной политики, ориентированной на становление гражданского общества, является необходимость осмысления этой политики как средства гражданской коммуникации. Другим таким основанием следует считать обеспечение постоянного диалога представителей гражданского общества и государства («системного мира») в решении задач социально-культурного развития общества и сохранения его культурных ценностей. Наконец, еще одно основание – это интерес государства в первую очередь к тем гражданским структурам и объединениям, которые стремятся реализовать социально-культурные запросы самого населения, значимые для повседневной жизнедеятельности людей. «Культура повседневности» в конечном счете должна стать исходной предпосылкой определения содержания культурной политики, а также основной сферой реализации ее задач, так как именно на этом уровне зарождается большинство реальных, а не имитируемых инициатив и движений, актуальных для становления современного гражданского общества.

Анализ современного состояния связей культурной политики с интересами гражданского общества позволяет сделать вывод, что исходной причиной их слабой развитости можно считать отсутствие открытого и постоянного диалога между государством («системным миром») и структурами гражданского общества. Различные содержательные аспекты этого диалога могут составить основу соответствующих приоритетов культурной политики.

Методологические требования к этому процессу можно представить в виде таблицы, которая позволяет дать краткую характеристику приоритетным направлениям государственной культурной политики как фактора становления гражданского общества.

Таблица

1	2	3	4
Аспекты осмысления субъектами переговоров культуры:			Приоритеты государственной культурной политики
а) <i>жизненного мира</i>	в) <i>гражданского общества</i>	с) <i>системного мира</i>	
→ 1. Единичное»	← → 1. Особенное»	← 1. «Общее»	1. Легитимизация культуры гражданского общества
→ 2.«Я»	← → 2.«Мы»	← 2.«Все»	2. Решение социальных проблем общества средствами учреждений культуры
→ 3.«Телесное»	← → 3.«Душевное»	← 3.«Духовное»	3. Гуманизация социума
→ 4.«Будущее»	← → 4.«Настоящее»	← 4.«Прошлое»	4. Обеспечение сохранения и использования общественно значимых культурных ценностей
→ 5.«Драма»	← → 5.«Лирика»	← 5.«Эпос»	5. Сохранение и развитие общественно значимых культурных традиций
→ 6.«Экологическое»	← → 6.«Этическое»	← 6.«Эстетическое»	6. Формирование нравственно-эстетической культуры общества
→	←	←	7.

7. «Нравственность»	→ 7.«Мораль»	7.«Право»	Формирование правовой культуры общества
→ 8.«Экзистенциальное»	← → 8.«Субстанциальное»	← 8.«Трансцендентное»	8. Сохранение духовной культуры общества
→ 9.«Действие»	← → 9.«Мышление»	← 9.«Познание»	9. Сохранение и развитие интеллектуально- творческих ресурсов отечественной культуры
→ 10.«Неоформленное содержание»	← → 10.«Оформившееся содержание»	← 10.«Содержательная форма»	10. Поддержка субкультур неэкстремистских гражданских общностей и этносов
→ 11.«Рекреация»	← → 11.«Общение»	← 11.«Культурная деятельность»	11. Поддержка и развитие клубной культуры общества

Взаимодействие культур *системного мира* (графа 3) и формирующегося *гражданского общества* (графа 2) как основных субъектов и одновременно объектов культурной политики нуждается в определенном комментарии:

1. **«Общее»** → ← **«Особенное»**. Представители «системного мира» в данном случае претендуют на отстаивание культурных интересов, значений, смыслов всего общества, и именно в этом качестве они ведут переговоры с представителями гражданского общества («общее» → «особенное»). При этом их задачей является доведение каждого культурного *со-бытия* гражданского общества до масштаба общегосударственного, до статуса общезначимого. С другой стороны, сами представители гражданского общества стремятся обогатить культурную жизнь всего общества, отбирая граждански значимые *со-бытия* «культуры повседневности» «жизненного мира» для вписывания их в культурное пространство «системного мира» («особенное» → «общее»). Результатом такого взаимодействия является легитимизация государственной культурной политикой культурных достижений гражданских объединений и инициатив как новых общезначимых культурных эталонов и ценностей.

2. **«Мы»** → ← **«Все»**. Представители «системного мира» формируют гражданские структуры («Все» → «Мы»), подключенные к решению общественно значимых задач, а представители гражданских структур стараются занять имеющиеся ниши в «системном мире» («Мы» → «Все») или создать для себя подобные ниши, расширяя таким образом социальную базу государственной культурной политики. Соответствующий приоритет государственной культурной политики «решение социальных проблем общества средствами учреждений культуры» реален, если эта политика не упускает из поля зрения социальные проблемы рядовых членов общества как граждан. Это – проблемы «жизненного мира».

3. **«Душевное»** → ← **«Духовное»**. Представители «системного мира» стремятся «одухотворить» «душевную жизнь» гражданского общества («Дух» → «Душа»), что выражается в рационализации гражданских чувств, переживаний, идей в направлении их социально-культурной конструктивности и эвристичности в интересах всего общества. Представители «гражданского общества» стремятся «одушевить» деятельность «системного мира» («Душевное» → «Духовное»), обеспечивая последний гуманистической энергетикой в «поисках истины» и предвидением социально-экологических последствий действий «системного мира». Приоритет государственной культурной политики, выстраиваемый на основе этого взаимодействия, – «гуманизация социума», можно трактовать как особое внимание распространению ценностей гуманитарной культуры, гуманитарному образованию и просвещению как условия формирования культуры гражданственности.

4. **«Настоящее»** ← → **«Прошлое»**. Представители «системного мира» как обладающие бóльшим в сравнении с представителями гражданского общества «культурным опытом» на основе уже накопленных достижений культуры вносят в диалог с представителями гражданских структур знание («Прошлое» → «Настоящее») об этих достижениях. Представители гражданского общества стремятся институционализировать различные творческие новации и эксперименты как общественно значимые факты и явления культуры («Настоящее → «Прошлое»), включить их в уже накопленный «универсум» культурных ценностей, а также осуществить переоценку имеющихся культурных достижений в свете проблем современности. На этой основе желательно появление соответствующего приоритета государственной культурной политики – «Обеспечение сохранения и использования общественно значимых культурных ценностей».

5. **«Лирика»** → ← **«Эпос»**. Представители «системного мира» инициируют поэтизацию и пафосность имеющегося историко-культурного достояния, традиции,

обеспечивающие культурную и этническую идентичность нации; постоянно актуализируют историческую память как основу сюжетов, фабул, тем граждански ориентированного творчества и рефлексии («Эпос» → «Лирика»). Представители гражданского общества, поэтизируя и «награждая» гражданским пафосом современность, создают новый эпос («Лирика» → «Эпос»). Рождающийся от этого взаимодействия приоритет государственной культурной политики выглядит как «Сохранение и развитие общественно значимых культурных традиций».

6. **«Этическое»** → ← **«Эстетическое»**. Представители «системного мира» задают общепринятую эстетическую меру и упорядоченность этическому, лишая последнее «голового прагматизма» в достижении так или иначе понимаемых «гражданских ценностей» («Эстетическое» → «Этическое»). В этом заключается глубокий экологический смысл. Вместо гражданской войны за «новые» нравственные идеалы и ценности «системный мир» предлагает эстетико-игровое условное пространство, обеспечивающее «мирное» принятие обществом новых этических ориентиров. Представители гражданских структур со своей стороны конкретизируют нравственное содержание «официальных» эстетических ценностей, обращают внимание общепризнанных творцов эстетических ценностей на нужды рядового члена общества («Этическое» → «Эстетическое»). Соответствующий ориентир государственной культурной политики – «Формирование нравственно-эстетической культуры общества» – должен выражаться в первую очередь как доступность эстетического просвещения, художественного образования и творчества всем группам населения в соответствии с их нравственными и гражданскими установками без ущерба другим членам общества. В результате из разнообразия этих предпочтений формируется нравственно-эстетический контекст реализации гражданских инициатив в социализированной и не нарушающей общественную безопасность форме.

7. **«Мораль»** → ← **«Право»**. Представители «системного мира» «распредмечивают» моральное содержание права («Право» → «Мораль»), делая последнее доступным гражданскому обществу, повышая его общую правовую культуру и расширяя правовые возможности (например, через правовое просвещение и правовой контроль). Представители гражданского общества создают прецеденты для права на основе моральных критериев («Мораль» → «Право»), а также корректируют имеющееся право, если оно значительно расходится с общепринятыми моральными нормами, обогащая и развивая таким образом сложившееся в обществе правовое пространство. Это взаимодействие обеспечивает реализацию следующего приоритета государственной культурной политики – «Формирование правовой культуры общества».

8. **«Субстанциальное»** → ← **«Трансцендентное»**. Представители «системного мира» так или иначе «опредмечивают» идеальный мир, производя эталоны и образцы «идеального» гражданского служения через критику уже «устаревших» его образцов и утверждение новых. Они также находят уже имеющиеся черты «идеальной» («Трансцендентное» → «Субстанциальное») гражданственности в существующей социально-культурной практике гражданских структур. Представители гражданских структур в свою очередь стремятся расширить имеющееся пространство «трансцендентного» через разнообразие собственных «альтруистических» поисков всеобщего блага как сверхценности социально-культурной активности («Субстанциальное» → «Трансцендентное»). Соответствующий приоритет государственной культурной политики «Сохранение духовной культуры общества» можно трактовать как сохранение и обеспечение в обществе определенного уровня религиозной культуры, если под последней понимать не приверженность той или иной конфессии, а конечный перевес в обществе священного начала над мирским.

9. **«Мышление»** → ← **«Познание»**. Представители «системного мира» предоставляют для «гражданской» рефлексии результаты общественно значимой культурно-познавательной деятельности («Познание» → «Мышление»), т. е. «просвещает» гражданское общество. Представители гражданского общества осуществляют рефлексивное переконструирование имеющегося знания, актуализируя его для решения личных и социально значимых проблем («Мышление» → «Познание»). Возникающий в результате приоритет государственной культурной политики «Сохранение и развитие интеллектуально-творческих ресурсов отечественной культуры» означает, что предпочтение в государственной поддержке отдается тем ресурсам (включая субъектов культурной активности), которые способны в конечном счете развивать культуротворческую гражданскую самодеятельность населения.

10. **«Оформившееся содержание»** → ← **«Содержательная форма»**. Представители «системного мира» предоставляют «содержательно емкую» форму процессу социокультурных инициатив гражданского общества: через право, эстетическую, художественную, научную, культурно-языковую форму («Форма» → «Содержание»). Представители гражданского общества развивают свои социокультурные инициативы до законченного общественно значимого результата, претендуя на обретение той или иной имеющейся зримой культурной оформленности (соответствующего культурного статуса) этого результата или в случае необходимости создание новой наглядной формы культурного самовыражения («Содержание» → «Форма»). Соответствующий приоритет государственной культурной политики «Поддержка

субкультур неэкстремистских гражданских общностей и этносов» обеспечивает необходимую социальную мобилизацию, внутреннюю энергетику процессу самодвижения и сохранения культуры как «жизненной среды» для различных групп населения.

11. «Общение» → ← «Культурная деятельность». Представители «системного мира» наполняют коммуникативное пространство гражданского общества результатами организованной культурной активности, обеспечивая ему содержательность и культуротворческую направленность («Культурная деятельность» → «Общение»). Представители гражданского общества порождают ту или иную коммуникативную ситуацию как актуальную для их культурной самоидентификации («Общение» → «Культурная деятельность»), формируя соответствующий «социальный заказ» на определенные типы организованной культурной активности. Соответствующий приоритет государственной культурной политики – «Поддержка и развитие клубной культуры общества». Он в первую очередь связан с усилением клубного элемента в сфере досуга, где возникает большинство граждански значимых ситуаций межличностного общения (развитие прежде всего устойчивой клубной инфраструктуры и государственной поддержки сферы любительства в сфере досуга).

Реализации такого рода методологических требований к диалогу государства с гражданским обществом в отрасли культуры препятствует сложившаяся практика государственной культурной политики, которая носит преимущественно узковедомственный и административный характер. Недостаточно полно используются социокультурные инициативы самих граждан, возможности расширения влияния учреждений культуры на коммуникативную и досуговую сферы жизнедеятельности людей. В оценке функционирования учреждений культуры преобладают валовые, формальные показатели при минимуме качественных. При таком подходе исчезают ориентиры дальнейшего развития отрасли культуры, а также устойчивые стимулы освоения культурных ценностей различными группами населения. Отсутствует и внятная идеология культурной политики как инструмента создания социально ориентированного государства и гражданского общества.

С другой стороны государственная поддержка гражданского общества предполагает учет не только идеально-нормативного аспекта его функционирования, но и деятельностно-технологического аспекта (органичных для гражданского общества технологий гражданской самодеятельности). В реальной государственной политике эти два аспекта должны быть согласованы, обеспечивая необходимую социокультурную динамику общества. Концепция новой культурной политики предполагает диалог

государственных субъектов этой политики как с институциональными (имеющими официальный социально-правовой статус), так и с внеинституциональными структурами гражданского общества (неформальными объединениями, движениями, группами, участвующими в культурном процессе).

Институциональные структуры гражданского общества могут быть непосредственным партнером государственных структур или легитимным оппонентом государства. Внеинституциональные же гражданские структуры чаще являются альтернативными по отношению к институционализированным и государственным структурам. «Питательной почвой» для «неформалов» являются инициативы из сферы «жизненного мира», довольно часто носящие характер социального и культурного «андеграунда», который необходим для поддержания инновационного пространства и напряжения в культурном процессе.

Оптимальным вариантом функционирования гражданского общества является осуществление посреднических функций между системным и жизненным миром. Основное социокультурное содержание этого посредничества должно составлять становление культуры гражданственности как синтеза ценностного и правового пространства в обществе. Продуктом этого синтеза является постоянно обновляемый культурный семиозис ценностей гражданского общества с последующим их включением в систему моральных и правовых норм. Это возможно на основе баланса социальных позиций, порождаемых жизненным миром, и социальных ролей как технологических правил реализации этих позиций, разрабатываемых системным миром.

При таких концептуальных основаниях государственной культурной политики, ориентированной на развитие гражданской активности населения, очевидной становится необходимость влияния этой политики на создание социально-культурной среды, обеспечивающей доступность культурного диалога с государством для различных групп населения независимо от их социального статуса, материального положения, культурно-образовательного уровня, способностей. Оптимальной в этом случае является среда, организуемая по «салонно-клубному» принципу, обеспечивающая органичное принятие каждым любителем того или иного занятия позиции «созидателя» или «просвещенного слушателя, зрителя», а также свободной смены этих позиций.

В то же время такая социокультурная среда становится фактически пространством для нового образа жизни участников организованной культурной активности. Оно институционализирует разнообразные культурные запросы. Благодаря ему расширяется репертуар культурной активности различных групп населения, особенно в культурно-досуговой сфере. В его рамках формируются новые жизненные ориентации и

экзистенциальные ценности, образцы современного социализированного гражданского поведения.

В случае широкой государственной поддержки объектов и учреждений, в которых иницируется разнообразное клубное общение, формируются реальные предпосылки для возникновения институционализированной социокультурной самодеятельности населения. Последняя представляет собой «культурное оформление» актуального социального содержания жизненного мира через предоставление разнообразных технологий творческой самореализации личности, позволяющей ей решать собственные жизненные проблемы. В то же время доступ людей к житнетворческой самодеятельности становится для них возможностью занять активную гражданскую позицию в социуме на основе собственных социокультурных ориентаций.

Анализ реальной практики отечественной культурной политики с позиций становления гражданского общества позволил выделить следующие намечающиеся в ней тенденции, которые могут оцениваться и как концептуальные основания ее дальнейшего совершенствования:

- реализация территориально-отраслевого принципа в управлении учреждениями культуры, предполагающего широкое вовлечение местного населения в освоение и порождение важных для повышения качества жизни культурных изменений, развитие локальных гражданских инициатив, значимых для развития регионов как приемлемой для людей социокультурной среды;
- модернизация институционального принципа государственной поддержки культуры с помощью соответствующих учреждений. Эта тенденция проявляется как постепенное смещение акцентов с поддержки учреждений культуры как таковых в сторону организации тех направлений их деятельности, которые значимы для самого населения. Эта тенденция создает предпосылки к пробуждению гражданского самосознания различных групп населения как главного заказчика и субъекта культурных процессов, так или иначе осуществляющих социальный контроль над деятельностью учреждений;
- наметившаяся тенденция управления в сфере культуры по принципу «длины руки», предполагающего некоторую удаленность государства от содержания творческой жизни в отрасли культуры и в то же время не оставляющего своей заботы о реальной поддержке учреждений культуры. В результате создаются предпосылки для дальнейшей активизации гражданской самодеятельности населения в сфере культуры;

- полисубъектность культурной политики, которая способствует расширению влияния структур гражданского общества на деятельность учреждений культуры;
- ориентация в большей мере на правовой, чем на административный ресурс в государственной культурной политике. Эта тенденция связана с эффективным использованием важного резерва становления гражданского общества через стимулирование деятельности учреждений культуры средствами правовых механизмов;
- целенаправленное привлечение государством коммерческих структур к поддержке учреждений культуры и соответствующие программы, продуманные акции по решению этой задачи¹;
- функционирование института экспертов культурной политики, представляющих в конечном счете интересы всего общества и самых различных учреждений, организаций, групп населения. Причем, этот институт формируется как на государственной, так и внегосударственной основе и в ряде случаев имеет реальное влияние на социокультурные процессы в обществе.

Для определения социально-культурного потенциала гражданского общества в контексте государственной культурной политики необходимо выделить следующие основные типы и виды гражданской активности в России, имеющие культуротворческое значение: «системно-ориентированная» гражданская активность и гражданская активность, ориентированная на частные инициативы. Дальнейшее совершенствование государственной культурной политики, ориентированной на формирование гражданского общества, зависит от умелого использования социокультурных ресурсов всего спектра гражданских инициатив, включая альтернативные по отношению к существующим государственным структурам.

Особую роль в этом отношении играет общественно организуемый досуг, являющийся пространством для инициатив гражданских структур всех видов и типов. В то же время это использование будет эффективным, если оно осуществляется не по отдельности к каждому из рассмотренных выше видов и типов гражданской активности, а на основе взаимосвязей между ними, на основе их взаимокоррекции и взаимодополнения.

Это предполагает необходимость для государственных структур дистанцироваться от прямого вмешательства в социальную и культурную жизнь граждан. Соответственно

¹ В развитых странах государство берет на себя ответственность за конструктивное использование рыночных механизмов (а в ряде случаев и за ограничение действия этих механизмов) для сохранения и поддержки отечественной культуры [27–29].

прерогативой государственной культурной политики в культуротворческом процессе является выстраивание целостной идеальной картины (модели) возможных взаимодействий различных структур гражданской активности, значимых для культурной жизни общества с последующей их экономико-правовой поддержкой на специально создаваемой и используемой для этого правовой основе. Основное требование к такой «идеальной картине» должно заключаться в ее непротиворечивости и эстетической завершенности, если под последней понимать органичность культурного содержания и правовой формы поддерживаемой государством гражданской инициативы. Достижение этой органичности и является задачей государственной культурной политики.

Из сказанного следует, что необходима смена общей парадигмы государственной культурной политики от ориентирования ее на реальность «учреждения культуры– посетители» к реальности «социокультурная среда – население как потенциальный посетитель учреждений культуры» (учреждения и посетители здесь уже носят подчиненный, технологический характер). На первый взгляд, такой поворот культурной политики есть уход от ее «реальных» объектов к условно-символическим единицам. На самом деле, в конечном счете, это выход на реальные результаты культурной политики. Но они выражаются не в условных единицах посещаемости учреждений и объектов культуры, количестве мероприятий, культурных акций, единиц хранения и т. д., а в реальном изменении качества и образа жизни людей в сторону большей востребованности ими программ и услуг учреждений культуры.

В этой связи распространенность региональных программно-проектных инициатив в сфере культурной политики следует признать положительной тенденцией, противостоящей традиционному подходу к учреждениям культуры на основе формальных и «валовых» показателей. Другой положительной тенденцией является усиление ориентированности этой политики на субкультуры отдельных социально-демографических групп. В настоящее время в большей мере «повезло» молодежной субкультуре как объекту индустрии развлечений, культурно-информационных услуг. Но появляются и предпосылки для центрирования культурной политики на других возрастных группах, прежде всего благодаря определенным достижениям социальной работы и социального обеспечения, использования своего рода культуртрегерских технологий. «Встреча» социальной и культурной политики еще должна произойти. Ее результатом может стать рост общей гражданской культуры населения как сбалансированности социальных прав и обязанностей всех членов общества.

Мировой и частично отечественный опыт государственной культурной политики показывает усиление важности государства в поддержке и сохранении культуры. Причем,

выявились и основные приоритеты такой политики. Это – поддержка государством профессионального искусства, охрана культурного наследия, обеспечение доступа к услугам учреждений культуры различных групп населения, поддержка высокого уровня культурных запросов, художественное образование населения. Каждый из этих приоритетов так или иначе служит формированию гражданского общества, основанного, как известно, на социокультурных инициативах и творческой деятельности самого населения безотносительно к прямому государственному или политическому заказу. При этом основными механизмами реализации этих приоритетов являются экономико-правовые, чей потенциал (как показывает опыт зарубежных стран) в отечественной государственной культурной политике далеко не исчерпан.

В заключение следует отметить, что становление гражданского общества невозможно без формирования соответствующей культуры гражданственности, которая есть результат диалога культур «жизненного» и «системного» миров на основе переговоров представителей обеих сторон. Именно необходимость такого диалога и явилась критерием выбора рассмотренных выше концептуальных оснований государственной культурной политики.

Список литературы

1. *Сидоров Е.Ю.* Концепция развития культуры и искусства // Ориентиры культурной политики. Информ. сб. Спец. выпуск. – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 1995. – 76 с.
2. *Жидков В.С.* Государственная культурная политика // Ориентиры культурной политики. Информ. сб. Вып. 6. – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 2001. – С. 49–86.
3. *Арнольдов А.И.* Грядущая цивилизация: духовно-нравственное и социальное здоровье человека // Ориентиры культурной политики. Информ. сб. Вып. 6. – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 2001. – С. 6–19.
4. *Востряков Л.Е.* Региональные программы развития сферы культуры: модель реализации в современных условиях (на примере Архангельской области) // Ориентиры культурной политики. Информ. сб. Вып. 2. – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 1998. – С. 39–56.
5. *Глазычев В.Л.* Методические рекомендации по программированию культурного развития города // Социальное проектирование в сфере искусства. – М.: НИИ культуры, 1987. – С. 17–18.
6. *Гольшиев А.И.* Местное самоуправление и культура // Ориентиры культурной политики. Информ. сб. Вып. 2. – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 1998. – С. 57–62.

7. *Горбатова И.И.* Культурно-просветительная деятельность. – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 2003. – 102 с.
8. *Горбатова И.* Учреждения культуры на селе// Ориентиры культурной политики. Информ. сб. Вып. 1.– М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 2002. – С. 102–113.
9. *Гришаев Т.А., Соколов Е.Н. и др.* Национально-культурная политика в Российской Федерации: принципы и механизмы //Ориентиры культурной политики. Информ. сб. Вып. 1. – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 1994. – С. 3–24.
10. Зарубежный опыт функционирования различных учреждений культуры. – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 1991. – 77 с.
11. *Каменец А.В., Онуфриенко Г.Ф., Шубаков А.Г.* Политическая культура России. – М.: Брандес, 1997. – 142 с.
12. Культурная политика России. История и современность. Два взгляда на одну проблему // Ориентиры культурной политики. Информ. сб. Вып. 8. – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 1999. – С. 3–14.
13. Национальный доклад. Культура и культурная политика в России // Отв. ред. И.А Бутенко, К.Э. Разлогов – М.: Моск. обществ. научн. фонд, 2000. – 240 с.
14. *Орлова Э.А.* Динамика культуры и процессы социализации//Ориентиры культурной политики. Информ. сб. Вып. 8. – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 1999. – С. 40–52.
15. *Орлова Э.А.* Повышение качества жизни как направление культурной политики // Организационно-управленческие и финансово-правовые аспекты культурной политики. Вып. 5 – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 1992. – С. 3–8.
16. *Орлова Э.А.* Процессы модернизации в российской художественной культуре // Организационно-управленческие и финансово-правовые аспекты культурной политики. Вып. 6. – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 1992. – С. 3–17.
17. *Орлова Э.А.* Ситуация в области изучения культуры в России // Ученые записки Рос. гос. соц. ун-та. – № 1.– М., 2005. – С. 42–48.
18. *Орлова Э.А.* Социальная политика в сфере культуры //Ориентиры культурной политики. Информ. сб. Вып. 5. – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 1995. – С. 3–19.
19. *Орлова Э.А.* Теоретические основания построения критериев оценки программ (проектов) социокультурного развития // Панорама культурной жизни стран СНГ и Балтии. Вып. 9 – М.: Информкультура РГБ, 1998. – 68 с.
20. *Орлова Э.А.* Теоретические основания построения критериев социальной эффективности программ (проектов) социокультурного развития/ /Ориентиры культурной политики. Информ. сб. Вып. 2. – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 1998. – С. 9–39.

21. Орлова Э.А., Каменец А.В. Методика составления «Культурной карты региона» // Ориентиры культурной политики. Информ. сб. Вып. 5.– М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 2001. – С. 90–99.

22. Орлова Э.А., Филонов Л.Б., Каменец А.В. Технологии формирования и реализации социокультурной политики //Ориентиры культурной политики. Информ. сб. Вып. 6. – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 1996. – С. 70–74.

23. Перепелкин Л., Размустова Т. Культурная политика и культурное разнообразие в современной России//Ориентиры культурной политики. Информ. сб. Вып. 6. – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 2003. – 73 с.

24. Селезнева Е.Н. Культурное наследие России в политических дискурсах 1990-х годов / Автореф. дисс. ... доктора филос. наук. – М.: Гос. академия славянской культуры, 2004. – 23 с.

25. Соловьев А.В. Социокультурная политика в период российских преобразований на рубеже XX – XXI веков /Автореф. дисс. ... канд. культурологии. – М.: Гос. академия славянской культуры, 2004. – 23 с.

26. Аврех Г.Л. Современные российские реформы и хозяйственные традиции // Ориентиры культурной политики. Информ. сб. Вып. 2. – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 2000. – 240 с.

27. Лаптева Т.И., Обидин А.И., Онуфриенко Г.Ф. и др. Культурная политика в условиях рынка // Ориентиры культурной политики. Информ. сб. Вып. 4. – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 1999. – С. 9–15.

27. Онуфриенко Г.Ф. Культура и искусство в условиях рынка (зарубежный опыт) // Ориентиры культурной политики. Информ. сб. Вып. 8. – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 1999. – С. 64–97.

28. Онуфриенко Г.Ф. Культурное наследие за рубежом // Наследие и современность. Вып. 1. – М.: Ин-т наследия, 1995. – С. 59–77.

29. Ориентиры культурной политики за рубежом //Ориентиры культурной политики. Информ. сб. Вып. 5. – М.: Мин-во культуры РФ, ГИВЦ, 1995. – С. 3–19.